

МЖ: Господин Монбриаль, первое слово, которое зацепило мой взгляд, когда я открыл книгу наугад, было «Самарканд». По совпадению в мае МГИМО проводит свой очередной форум выпускников в Ташкенте и Самарканде.

Он очень изменился с тех пор, как я там впервые побывал в 1984 году...

МЖ: Изменилось и пространство под названием СССР — этой страны больше нет. На ее развалинах возникли независимые государства, в том числе Узбекистан.

Вы знаете, странная вещь заключается в том, что вначале они ведь не хотели выходить из СССР. Но Борис Ельцин в какой-то момент заявил, что Российская Федерация должна провозгласить независимость. Это прозвучало так же странно, как если бы в разгар войны Алжира за независимость де Голль сказал, что Франция должна быть от него независима.

9 сентября 2007 года. Сочи

«Клуб «Валдай». Неформальные обсуждения с Путиным. Такое невозможно представить с Бушем и, думаю, с Саркози. Путин страстно любит свою страну и знает ее историю. Его видение национальных интересов скорее напоминает де Голля, чем Раймона Арона»

Эти пять центральноазиатских стран в конце концов стали независимыми, хотя власть в них осталась фундаментальным образом той же, то есть советской. Да и руководители их были выходцами из советской элиты, наиболее типичный из которых — Назарбаев. В этих странах не было демократических революций, они постепенно становились независимыми в смысле выработки своей собственной внешней политики, обозначившей их национальные интересы, и развития экономики. Эти интересы довольно очевидно заключались в том, чтобы быть ближе к России, хотя и с Китаем, и с Западом они, конечно, тоже хотели развивать связи.

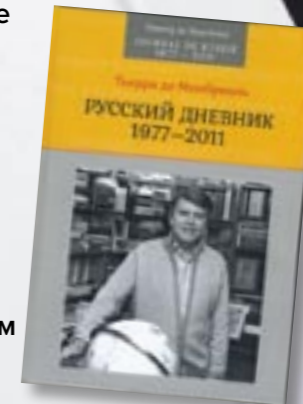
Постепенно Россия выработала для них новую идеологию, которая получила название евразийской. Кстати, при использовании самого слова «Евразия» вы в России вкладываете иной смысл, нежели тот, какой мы вкладываем во Франции. Когда я говорю «Евразия», я представляю Европу и Азию, в то время как в российском понимании это пространство ограничено лишь европейско-азиатской частью бывшей Российской империи.

Цель евразийской идеологии — укреплять и развивать отношения России с бывшими советскими странами. Однако, как мне кажется, эта идеология терпит сегодня определенную неудачу, поскольку эти страны все больше осознают свои собственные интересы. Так что сегодня ситуация здесь носит относительно сложный характер, в какой-то степени напоминая соперничество европейских стран за Центральную Азию в XIX веке, хотя,

ТЬЕРРИ ДЕ МОНБРИАЛЬ: «THIS IS MY WAY»

Сорокалетие Французского института международных отношений (ИФРИ) его основатель Тьерри де Монбриаль отметил в марте в интерьерах московской гостиницы «Украина». Собралась эксклюзивная публика, среди которой были заместитель руководителя Администрации Президента РФ — пресс-секретарь Президента РФ Дмитрий Песков, помощник президента Андрей Фурсенко, ректор МГИМО Анатолий Торкунов, посол Франции в России Сильви Берманн, президент ИМЭМО Андрей Дынкин и другие. Гвоздем вечера стала презентация русскоязычного издания книги Т. де Монбриаля «Русский дневник. 1977–2011», ставшая одним из мероприятий «Трианонского диалога».

конечно, она далека от той «Большой игры» (или Great Game), как ее тогда называли.

Вы упомянули Форум выпускников МГИМО в Узбекистане, и я хочу сказать, что эти форумы определенно способствуют укреплению отношений России с бывшими республиками СССР. Поддерживая в течение довольно долгого периода времени дружеские связи с МГИМО, с его ректором Анатолием Торкуновым, я могу сказать, что сеть выпускников вашего института представляет собой очень важную политическую силу. Когда я познакомился с президентом Азербайджана Алиевым, вашим выпускником, мы как раз говорили с ним об этом феномене. Кстати, моя сотрудница и директор Центра Россия/СНГ в ИФРИ Татьяна Кастуева-Жан также выпускница МГИМО. Я впервые познакомился с ней, когда она приехала к нам в институт на стажировку. Так что в каком-то смысле ИФРИ тоже часть галактики под названием МГИМО.

МЖ: В вашей книге наряду с А. Торкуновым весьма часто упоминается первый проректор МГИМО Иван Тюлин, который был энтузиастом установления связей с французскими университетами, в том числе с ИФРИ.

Это был замечательный человек, он очень любил Францию, говорил на блестящем французском. Французы отвечали ему взаимностью. И начальная фаза отношений между ИФРИ и МГИМО в большой степени результат дружбы между Иваном Тюлиным и сотрудником нашего института Домиником Давидом. Я считаю, что международные отношения — очень сложный вид деятельности, поэтому личные связи играют значительную роль в их развитии, особенно в трудные времена.

Иван Тюлин был очень скромным человеком, он никогда не пытался выдвинуть себя на первый план. Но вместе с тем

через день после похорон. Эмоции зашкаливали... Иван слушал в самом высоком понимании интересам МГИМО, России и франко-русских отношений, мы должны о нем помнить.

МЖ: Когда вы впервые соприкоснулись с Россией?

В первый раз я ступил на советскую землю в 1976 году, приземлившись в Шереметьево и проведя несколько часов в аэропорту как транзитный пассажир по пути в Токио. До этого Советский Союз был для меня абстрактной величиной. Забавно, но когда я в детстве слушал радио, то часто новости приходили по каналам агентства ТАСС. По-французски это звучало Agence TASS, а мне слышалось Agent Stas, то есть какой-то агент КГБ Стас сообщал о том, что происходило в мире. В этих новостях часто говорилось о некоем Верховном Совете СССР, и я представлял себе, что где-то там наверху восседали Хрущев, Сталин и другие большие люди. В этом была

Т. де Монбриаль и президент Франции Э. Макрон

какая-то тайна, объяснения которой я, как и все маленькие дети, не искал — ни у кого не спрашивал, что это за Верховный Совет такой, видимо, инстинктивно понимал, что тогда тайна разрушится...

Когда я приземлился в Шереметьево, я к тому времени уже три года работал директором Управления политического планирования МИД Франции, и представление о СССР у меня было, но все равно физический контакт с советской почвой произвел на меня необычное впечатление, я будто приподнял полотно железного занавеса и взглянул на реальную страну.

МЖ: Выпускники МГИМО в подавляющем большинстве мечтали о карьере международного с детства. Это и ваш случай?

Совсем нет. Я шел к этому довольно долго. Меня всегда привлекали, с одной стороны, абстрактные научные материи, с другой — я не собирался всю жизнь копать в одном месте, мне нравилось что-то создавать. Помню, ребенком я хотел стать архитектором, а когда мне было лет 14, я уже представлял себя президентом республики. Это противоречие между

На встече с В. Жискард д'Эстеном, президентом Франции (1974–1981)

25 августа 1984 года.

Ташкент

«**Интересная встреча с профессором Юсуповым, вице-президентом Академии наук Узбекской ССР. Он заявляет, что советские люди — миролюбивые. Американские «Першинги» будут нацелены на Ташкент. Если начнется война, победителей не будет. Удивительная шутка Юсупова по поводу продуктов питания: «В Соединенных Штатах в магазинах есть все, а дома ничего. В СССР все наоборот». Потом наслаждаемся вкусным плом. Как всегда, слово «интурист» производит магическое действие — нас обслуживают очень быстро»**

абстрактным и конкретным — случай довольно частый, многим приходится разрешать подобное противоречие, и счастлив и успешен тот, кому это удастся. Только таким образом можно найти свой путь, идя по которому ты делаешь что-то по-настоящему цельное. Мне это удалось, я разрешил это противоречие, став и ученым, и в каком-то смысле архитектором: создал научный институт, занимающийся международными отношениями и экономикой, а также сильный методологический инструментарий исследований. Могу сказать, что мне очень повезло, я счастлив.

МЖ: Фамилия де Монбриаль непростая, вы «из благородных», по идее должны принадлежать к политической элите, а не к научной, которая ее, так сказать, обслуживает. Тоже противоречие?

Действительно, я принадлежу к очень старой французской фамилии, корни которой уходят на тысячу лет вглубь веков. Моего отца иногда называли графом, хотя он работал в Банке Франции на не самой высокой позиции. Он не очень любил свою работу, потому что был поэтом, писал книги. Родился он в Ханое в 1912 году, где его отец, мой дед, работал во французской колониальной администрации.

МЖ: Значит, и вы граф?

Нет, сам я не использую этот титул.

МЖ: Говорят, после Великой французской революции французы стесняются использовать титулы, гордясь завоеванными ценностями — свободой, равенством, братством. Не верьте этому, французы обожают благородные титулы!

МЖ: Получается, лицемерие?

Лучше сказать — шизофрения. Вот в Австрии титулы отмени-

ли еще раньше, чем у нас, и там к ним относятся спокойно. Во Франции публика любит королей, следит за членами нобилитета, с удовольствием читает журнальные репортажи об их жизни. Сегодня, в период Пятой республики, президент — реальный король, настоящий монарх. Политическая элита учредила монархию, оставив за нами лишь одно право — отрубить королю голову (символически, конечно!) путем вы-

26 августа 1984 года. Пушкин

«**Осмотр Царского Села, затем посещение Петропавловского собора, усыпальницы российской императорской фамилии. Могилы в хорошем состоянии, ухоженные, особенно могила Петра Великого, на которой постоянно стоят цветы. Как тут не вспомнить об осквернении погребений французских королей во времена Французской революции»**

это был очень эффективный организатор, и когда мы делали какой-нибудь проект, он отдавался ему полностью. Это был человек высокой внутренней культуры, глубоко чувствующий русскую и французскую культуру. Помню, он сопровождал меня, когда я в первый раз попал в Кремль, в Большой театр, где он познакомил меня с его директором. Это был один из блестящих умов, я бы назвал его нетипичным советским человеком. Помню день, когда я узнал о его внезапной смерти от Анатолия Торкунова: так случилось, что он приехал в Париж

что на мои лекции ходило человек 400, для индивидуального контакта со студентами у меня были ассистенты.

МЖ: Значит ли это, что сочетание Политеха и Горной школы дает элитарное образование?

Да, эти вузы готовят самые сливки французской образовательной системы. Но я окончил еще и Калифорнийский университет в Беркли в 1967–1968 годах.

МЖ: То есть вы не участвовали в исторических событиях — студенческих волнениях в Париже 1968 года?

Да, молодежная революция 1968 года меня миновала, о чем я не жалею. Мне по-

.....
20 сентября 1991 года. Киев

.....
« Меня привозят в ресторан Chez Maxim's (чистая правда!), хотя, конечно, ничего общего с нашим Maxim's нет. Ресторан представляет собой подвал, в который посетители спускаются по узкой лестнице, встроенной в тротуар. Как и в остальных ресторанах города (а их всего три или четыре), меню состоит из колбасных изделий, жирного мяса и капусты. Оглушительно играет маленький оркестр. Через два часа после начала ужина нам подали только закуски, мы решаем, что с нас довольно »

боров, которые проходят каждые пять лет (до Ширака было семь). Саркози и Олланд были у власти один срок, сколько будет Макрон — увидим. Ротация довольно быстрая...

МЖ: Вы окончили Политехническую школу, затем Горную школу в Париже. Я знаю еще одного человека с такой образовательной цепочкой, и это президент Total Патрик Пуянне.

Скажу вам больше: он был одним из моих студентов в Политехе. Я преподавал там теоретическую экономику на факультете современной экономики, который я же и создал в 1974 году. Правда, самого Пуянне я не помню, потому

везло больше, я увлеченно учился в Америке, хотел быть теоретиком в области экономики и получил степень по математической экономике. Кстати, Беркли в то время был более значимым центром молодежной культуры: здесь зародился феномен хиппи, который потом захватил весь мир. Я тоже целый год не брил бороду и не стригся. Но не потому, что хотел быть похожим на хиппи, просто подумал: возможно, это будет единственный шанс в жизни, когда я смогу отпустить бороду. Она была больше, чем ваша!

МЖ: Вам повезло еще и в том смысле, что вы узнали, что такое Америка как таковая, прежде чем узнать ее как супердержаву в политологическом смысле.

Это так. Могу рассказать смешной случай, который это иллюстрирует. В Рождество 1967 года я решил поехать на новогодние каникулы в Лас-Вегас вместе со своей молодой женой, которая уже была беременной. Мы отправились из Беркли на старой, подержанной машине, поэтому в пути у нас с ней возникли проблемы. Произошло это в Долине Смерти, а там был один-единственный отель. Поступили довольно глупо, не зарезервировав номер в нем заранее. Мест там не было, больше того, нас буквально вышвырнули на улицу просто потому, что в нем было запрещено пребывание собак и хиппи! А был уже вечер 31 декабря, и у нас не было другого выбора, как ехать дальше в поисках какой-нибудь деревни. И мы ее нашли! Она носила индейское имя Шошон. Мы остановились в мотеле уже после полуночи, заняв довольно скромный номер. А напротив через дорогу находился ресторан, где было

.....
20 сентября 1991 года. Киев

.....
« Читаю лекцию для группы сотрудников Министерства иностранных дел, Министерства внешних экономических связей, Центрального банка и различных парламентских комитетов. Все наши собеседники одержимы одной мыслью: Украина должна стать членом европейского сообщества. Аудитория крайне недовольна, когда я объясняю причины, по которым их желание не воплотится в реальность еще очень долго. Следующее затем совещание с группой министров производит еще более удручающее впечатление. Выходя из зала, сталкиваемся с министром финансов США Николасом Брейди и председателем ФРС Аланом Гринспеном. Им предстоит встреча с тем же составом наших недавних бездарных собеседников. Желаем им удачи »

Гендиректор компании Total П. Пуяанне выступает на Конференции мировой политики

13 мая 1998 года. Москва

« Конференц-зал МГИМО. Когда в зал входят начальство и выдающиеся приглашенные личности, все — в основном студенты — встают, как в старые времена в Политехнической школе Парижа, когда все вытягивались по стойке смирно при входе в аудиторию преподавателя. Я помню это еще по тем временам, когда сам был студентом, а потом начал преподавать. Нескончаемая череда выступающих, которые вываливают на меня вагон хвалебных слов: Торкунов, Кожокин, Барановский. Наконец мне дают слово. Затем церемония подписания книги. «Почетный бокал вина», как сказали бы у нас. Обедаем с первым проректором Иваном Тюлиным в столовой МГИМО. Уточняем условия, на которых ИФРИ ежегодно мог бы предоставлять стипендию одному из студентов МГИМО»

много людей, отмечающих Новый год. Мы вошли в него, сели за свободный столик, заказали T-Bone Steak, огромный американский стейк, и провели новогоднюю ночь так, как в общем-то и планировали провести.

А потом произошло удивительное. К нам подошел официант и спросил: «Хотите десерт или бутылку шампанского?» У меня не было денег на шампанское, но он сказал: «В ресторане находится человек, который хочет вас угостить». Мы заказали бутылку, а в конце ужина я захотел поблагодарить нашего благодетеля. Однако официант сказал: «Нет-нет, он не хочет себя обозначать, вы ему просто понравились».

МЖ: И в чем мораль этой истории?

Она в том, что в один и тот же вечер у нас были два абсолютно противоположных опыта: сначала нас вышвырнули на улицу из одного места, несмотря на то что моя жена была беременной, а через несколько часов о нас позаботился какой-то незнакомый человек, который ничего не попросил взамен.

МЖ: Может, это был дух этого индейского места?

Мне тогда тоже пришла в голову такая мысль! Но если серьезно, эти два разных опыта много сказали мне об Америке. Интересная особенность этой страны заключается в том, что, хотя основная часть населения очень консервативна, это

не мешает свободно существовать всевозможным экстремистским или эксцентричным вещам. Это не очень хорошо у нас известно, но всякие движения в Европе конца 60-х имеют именно американскую природу.

МЖ: Как получилось, что в какой-то момент вы прекратили работать на кого-то и основали собственный проект — ИФРИ?

Люди делятся на тех, кто хочет работать в какой-то системе, в которой он защищен и отвечает за какую-то ограниченную сферу, и на тех, кто склонен рисковать и терпеть не может, когда над ним стоит начальник. Я четко причисляю себя ко второй категории. Единственный способ вести наполненную и счастливую жизнь — это создавать то, чего не было раньше, творить. До ИФРИ я создал Центр политического планирования в МИДе, это был первый созидательный опыт, затем факультет экономики в Политехе и только потом — ИФРИ. Наконец, последняя моя креатура — Конференция мировой политики (WPC). Добавлю, что я всегда возглавлял те институции, которые создавал.

МЖ: Ваше любимое детище?

Конечно, ИФРИ. Этот институт находится на верхних позициях авторитетного рейтинга мозговых центров, который составляет Университет Пенсильвании. Сорок лет — это мо-

лодой возраст. Chatham House в будущем году будет отмечать свое 100-летие! Поэтому моя цель в том, чтобы через 60 лет ИФРИ не только дожил до этого возраста, но стал еще более сильным аналитическим центром в области международных исследований как во Франции, так и в Европе и даже мире. Знаете, такие институции довольно хрупки, и я вижу

своим долгом заниматься укреплением, консолидацией ИФРИ.

МЖ: Почему вы решили создать Конференцию мировой политики?

Больше десяти лет назад заметил, что подобного рода закрытые форумы — детища холодной войны, в основе их ДНК — дух конфронтации, атлантического противостояния. Мой личный опыт сотрудничества с Россией убедил меня в том, что холодная война закончилась, мы живем в новом мире. И в основе стремления, которое двигало мной, лежала мысль

30 августа 2005 года.

Дальний Восток

« Аэровокзал Владивостока. До города около тридцати километров. Чуть меньше — до границы с Северной Кореей или с Китаем. Размещение в отеле... «Версаль» (да-да), одном из двух лучших в городе, другой строили корейцы. В городской администрации меня встречает вице-губернатор Горчаков. Это физик с приятной внешностью, который без особенного снисхождения описывает положение дел в Приморье (по-русски это слово означает «рядом с морем»), так называется территория («край») юго-восточной оконечности Федерации»

об организации, которая не была бы заиклена на альянсах и конфронтации, но работала бы в направлении создания открытого мира на долгую перспективу. Используя старый политологический термин, продвигала бы идею мирного существования, но с новым наполнением, смыслово никак не связанным с концепциями холодной войны. Новый смысл такого наполнения в том, что нам нужно работать вместе, получать пользу от отношений, не навязывая друг другу свой стиль мышления, признавая различия и уважая образ жизни. Эту идею толерантности я и заложил в основу концепции конференции. В этом году состоится ее уже 12-е, как мы говорим, «издание», и в каждое из них я неизменно старался привлечь Россию. Первый опыт российского участия состоялся в 2008 году, когда в качестве хедлайнеров мне удалось привлечь тогдашнего президента России Дмитрия Медведева и французского президента Николя Саркози. Опыт оказался более чем удачным, потому что они оба хотели встретиться неофициально на нейтральной территории, чтобы, в частности, прийти к согласию по грузинскому вопросу, и у них это получилось. А нам это помогло запустить проект! С тех пор

я всегда стремился усилить участие в конференциях наших российских коллег, чтобы выйти за пределы текущих споров и проблем в этой мини-холодной войне, которую мы, к сожалению, сегодня переживаем.

МЖ: Вы удовлетворены тем, как ощущает себя ИФРИ в год своего 40-летия?

Ответ: да, весьма! В то же время я хотел бы отметить, что ничто в жизни нельзя воспринимать как данность. Довольно сложно создать и запустить подобный проект — и очень легко его потерять. Хочу подчеркнуть, что, например, конференция не имеет никакого отношения к правительству Франции, это независимое начинание, которое организует ИФРИ. Оно может легко умереть, если не работать над его укреплением. И я очень надеюсь в этом деле на дружбу и участие России и МГИМО.

МЖ: Вы десятилетиями общаетесь и работаете с выпускниками МГИМО — можете определить, что это за люди?

Они в определенном смысле лучшее, что могла произвести советская система. Это очень хорошо образованные люди, обладающие чувством реальности и способностью поддерживать цивилизованные отношения. На примере выпускников МГИМО я всегда отмечал поразительную вещь: люди, занимавшиеся в СССР Францией, говорили на прекрасном французском, ни разу не побывав там и даже никогда не выезжая за пределы страны! Кстати, то же самое я наблюдал в Китае. МГИМО выжил, успешно пройдя через целый ряд переходных периодов, прежде всего через 90-е годы. Я прекрасно

На юбилее ИФРИ с министром иностранных дел Франции Ж.-И. Ле Дрианом

помню, как нелегко было ректору Торкунову, да и сейчас, я уверен, непросто! Поэтому я хотел бы высказать в его адрес слова уважения, ведь одна из причин, в силу которых мы с ним так хорошо понимаем друг друга, заключается в том, что мы оба прошли через более или менее одинаковые испытания.

МГИМО — замечательный бренд! Я знаю, что в этом году ваш университет будет праздновать 75-летний юбилей. И мне кажется, то, что было достигнуто за эти десятилетия, заслуживает высокой оценки, это абсолютно замечательный актив.

МЖ: Как вы оцениваете инициативу «Трианонского диалога»?

Это хорошая инициатива, но вы знаете, столько уже было более или менее похожих начинаний, которые окончились ничем. «Трианон» продолжает жить прежде всего благодаря личному участию Анатолия Торкунова и МГИМО с российской стороны и моего старого коллеги Пьера Мореля — с французской. Когда умные люди с обеих сторон берутся за дело, есть серьезный шанс, что диалог будет плодотворным. Никогда не забывайте, что лучшие идеи — ничто, если их не продвигают компетентные энтузиасты. ■

6 сентября 2011 года.

Ярославский форум

«Нахожусь вместе с выдающимися людьми — Анатолием Торкуновым, Адамом Ротфельдом, лордом Джорджем Робертсоном, Полом Кругманом и другими. Своему выступлению я дал такое название: «Может ли локальный конфликт перерасти в мировую войну». Оно оживило засыпающих слушателей, в особенности израильского генерала Дanni Ротшильда, который, несмотря на ужасный пессимизм доклада, тут же понял мой посыл. Запланированные на вечер празднества отменили из-за авиакатастрофы. Погибли игроки популярной местной команды по хоккею. Смятение. День завершается ужином со шведским столом. Все очень вкусно, но настроения никакого. Збигнев Бжезинский бродит как неприкаянный. Кажется, он в полной растерянности от того, что к нему так невнимательно относятся»